

УДК 316.46+323.2

А.И. Лысюк¹, Д.А. Лысюк²

¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

²магистр полит. наук, эксперт Брестского областного
культурно-просветительского общественного объединения «Логос»
e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²mitiaus@gmail.com

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Осуществляется анализ совокупности форм и способов политического лидерства, детерминированных парадигмами постмодерна, которые создали новый формат политических отношений – постполитику. При этом существенно возрастает роль тех политических лидеров, которые персонифицируют новые локальные ценности и интересы местных сообществ («постмодернистские мэры»). В системе политического лидерства происходит также интенсивный процесс ее медиализации, который побуждает лидеров и членов их команд активно использовать новейшие информационные технологии. Значительно повышается политическая активность граждан. Как политическая реакция на разочарование ценностями постмодерна наблюдается приход к власти в ряде стран политиков, отрицающих эти ценности и апеллирующих к модерну.

Введение

В статье [1] мы обозначили существующую в эпоху постмодерна зависимость содержательных характеристик политического лидерства от социокультурных факторов. Действительно, человек по своей природе является культурным существом, следовательно, базовые параметры его личности и деятельности определяются именно этой группой детерминант. Как справедливо отмечает В. Библер, «культура – это форма самодетерминации индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [2, с. 289]. В ее основе находятся упорядоченные смысловые структуры, ценностно-нормативные системы. Именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты политического лидерства, в том числе и в эпоху постмодерна, определяя их качественную определенность и целеполагающий потенциал, существенным образом видоизменяя его (лидерства) конкретные формы и стилистику. Сами же постмодернистские ценности утверждаются и проявляются в трех типах современных обществ, которые характеризуют конкретные параметры определенной социальной системы: в постиндустриальном обществе, информационном обществе и обществе знаний, вплетенных (интегрированных) в процессы глобализации.

К настоящему времени опубликована серия научных работ [3–5], посвященных изучению трансформации форм и способов политического лидерства в эпоху постмодерна. Но, как правило, они посвящены анализу его отдельных проявлений без притязаний на изучение этой проблематики как целостного феномена, в котором его отдельные компоненты находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, что является *целью* данной статьи.

Постполитика как медиализация

Трансформация ценностей в эпоху постмодерна, естественным образом воздействуя на содержание и стилистику политики, приводит к формированию нового социального феномена – постполитики. По утверждению польского политолога П. Жукевича, в этот период «классическое определение политики как коллективной деятельности

ради общего блага было подвержено переосмыслению, так как оказалось, что политические лидеры стали меньше внимания уделять реализации политических программных положений, но больше – маркетинговой стратегии, которая могла бы гарантировать им успех в короткой временной перспективе, определяемой сроками очередных выборов» [6, с. 96]. В этих обстоятельствах политика лишается своего устойчивого, исходящего из длительной стратегической перспективы идеологического и ценностного основания и обоснования и начинает ориентироваться на сиюминутное, утилитарное и конъюнктурное. Политические лидеры демонстрируют чрезмерную озабоченность своим политическим образом (имиджем) в ущерб выработке и реализации рациональных политических программ, что закономерным образом формирует социальный спрос (заказ) на новый его тип. Так, например, ценностная трансформация американского общества в начале XXI в. повлияла на то, что, по мнению российского политолога Л. Шевцовой, Обама в отличие от своих предшественников фактически предстал государственным лидером, который во внешней политике отказался от американской традиции мессианизма, мировой ответственности, доминирования и глобального лидерства. «Он стал прагматиком, прикрывшись идеалистической риторикой», и тем самым нанес удар по традиционной американской политической системе и практике [7]. Как результат – сворачивание в период его президентства политической активности США в различных регионах мира и преодоление соблазна идеологического дидактизма по отношению к другим странам. Несмотря на политические контroversии с Б. Обамой, как мы видим, этим путем идет и Д. Трамп.

Понятие постполитики наиболее часто используется как синоним *медиализации политики*. В ее рамках происходит радикальное усиление политической роли СМИ, что способствует повышению политической активности граждан. Общественные отношения начинают функционировать в режиме медиакратии, предполагающей, что информационно-смысловое взаимодействие лидера и последователей осуществляется с помощью определенным образом организованных и переданных медиа-сообщений. Коммуникативная связь между ними становится трехступенчатой, несмотря на кажущуюся (внешнюю) непосредственность и интенсивность коммуникативных интеракций на современной медиа-платформе.

Первую ступень в этом процессе составляют эксперты (имиджмейкеры), формирующие и формирующие визуальный и виртуальный образ лидера. Второй уровень занимают журналисты, профессионально презентующие его персону в информационном пространстве, следуя принципу, что «имидж все», а политико-идеологические и моральные черты если не «ничто», то, безусловно, вторичны. И только потом, на третьей стадии, виртуальный образ лидера становится доступным для массовых идентификаций и интерпретаций.

Роль СМИ в современном мире возросла в такой степени, что не только вызвала к жизни целую когорту политических лидеров, именуемых медиа-звездами (Г. Шредер, Б. Клинтон, С. Берлускони, Т. Блэр и др.), но и сформировала даже другой человеческий тип политического лидера, обладающего особыми коммуникативными компетенциями. Следует учитывать также, что ключевой политической ролью современных СМИ является не только простое информирование, но и формирование определенной системы ценностей, «идейных» доктрин, «удобных» для политического правления того или иного государственного лидера. СМИ осуществляют не только политическую социализацию, но и «имплозию социального в массах» (Ж. Бодрийар), т.е. резко понижают критичность и адекватность восприятия политической действительности, поскольку определенные группы медийной информация могут разрушать социальные смыслы и содержания, подвергать их тотальной энтропии, что позволяет лидерам в предлагаемых политических проектах использовать утопические сценарии.

В последнее десятилетие в политических коммуникациях наблюдается резко возрастающая роль Интернета, информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Как отмечает российский политолог А.П. Кочетков, «постиндустриальное общество основано на принципе открытой информации, на высокоразвитых информационных технологиях», что «способствует значительному росту участия граждан в политическом процессе и достижению консенсуса между различными социальными группами» [8, с. 8–9]. Возникают феномены виртуальности: виртуального пространства, виртуального сообщества, виртуальной политики, интернет-коммуникаций, – в которые лидер должен оптимально «вписываться». Вследствие этого в политическом контексте закономерно появляются политические лидеры, существенным образом производные от ИКТ, такие, например, как президент Франции Э. Макрон, премьер-министр Австрии С. Курц и др.

Развитие ИКТ, не знаящая границ «информационная революция» объективно создали технические возможности для повышения информированности различных местных и глобальных сообществ и привели к демократизации всех сторон социальной жизни, что подготовило условия для усиления «давления» общественности на политических лидеров. Более того, по утверждению А.П. Кочеткова, «развитие информационно-коммуникативной инфраструктуры расширило возможности... неконтролируемого восприятия и распространения информации, поставив под сомнение саму возможность существования тоталитарных и авторитарных режимов в развитых странах», вследствие чего в настоящее время на земном шаре диктаторов насчитывается как никогда мало в истории человечества [8, с. 16].

Однако развитие Интернета сформировало также новые вызовы и проблемы. Так, согласно австрийскому философу Г. Кёхлеру, «началась эра коммуникаций в *массовом обществе*, где решающим политическим фактором стала *виртуальная толпа* (или «цифровая толпа»), в коллективной душе которой отразились психологические характеристики толпы, описанные французским социологом Г. Лебоном: импульсивность, податливость внушению и轻信, анонимность, односторонность чувств, чувство безответственности, снижение критического мышления и т.п. [9, с. 78–79]. Все это создает благоприятные условия для политиков, ориентированных на широкое использование инструментов пропаганды и дезинформации.

В авторитарных, а тем более тоталитарных государствах существуют жесткие формы «упорядочивания» Интернета. Так, например, в Ливии во времена Каддафи функционировал центр прослушивания населения, включая весь сегмент Интернета и мобильной связи. Подобная картина зафиксирована и в Сирии, где команда президента страны Башар аль-Асада имеет возможность контролировать Интернет, включая доступ к логинам и паролям своих граждан, что открывает путь к их электронной переписке, страницам в социальных сетях Facebook и Twitter. Как заявил в марте 2018 г. советник президента России по вопросам развития Интернета Герман Клименко, Россия в случае политической необходимости готова к отключению от мирового Интернета, однако подчеркнул, что при этом не будут применены экстремальные варианты вроде северокорейского или кубинского.

Политическое лидерство в контексте сетевых отношений

В эпоху постмодерна происходит *рост самоуправляемых демократических структур (сетей)* – инициатив снизу. Для этого периода характерно более широкое пространство для индивидуальной автономии и самореализации, чем в эпоху модерна, тем более учитывая, что, согласно Р. Инхларду, «постматериалисты лучше образованы, более убедительны и политически активны, чем материалисты» [10, с. 366]. Происходит сдвиг от «материалистических ценностей» к ценностям постматериалистическим, которым свойственна ориентация на социальную активность и самореализацию

индивида. Отметим, что им свойственна также высокая мотивированность действий и акцентирование на содержании действий, а не их форме, в силу высокой степени личной заинтересованности в достижении общих целей. Такая ориентация людей выступает еще и как реакция на исчерпанные возможности развития социальных систем посредством их институциональных изменений, что принуждает к качественно иной активности самих людей. Очевидно, что достаточно часто политические институты обладают собственной логикой существования, собственными интересами, отличными от интересов простых граждан страны.

В силу своей особой значимости и жизненной актуальности политическая активность граждан канализируется на решении преимущественно не глобальных, а региональных, местных проблем, с которыми человек постоянно и непосредственно сталкивается. Кроме этого, в рамках государственной системы происходит передача властных полномочий на нижние уровни управления и самоуправления, что, в свою очередь, усиливает позиции руководителей низовых политических структур и организаций. В этих условиях возникает социальный спрос на политических лидеров, которые эффективно «вписывают» свои действия в локальный контекст и ориентированы на осуществление микрополитики. Поэтому закономерно, что на региональном уровне, например, в итальянских городах, проявился феномен постмодернистских избирательных кампаний, в результате которых к власти пришли «постмодернистские мэры», которые опирались на развитые местные структуры гражданского общества, «артикулируя и вынося на вершину политической повестки дня ключевые вопросы, актуальные для итальянских городов в кризисные времена» [11, с. 90].

В контексте усиления фактора локальности в эпоху постмодерна получают широкое распространение новые социальные ценности и стили жизни, основанные на толерантном отношении общества к этническому, культурному и сексуальному разнообразию, на признании особой значимости экологических проблем, социального статуса женщин, на осознании рисков атомной энергетики, генетических исследований и др. Происходит детерминированный этими факторами процесс некоторого уменьшения значимости общенациональных политических лидеров за счет политических авторитетов, персонифицирующих эти новые (сегментарные) ценности. Все больший политический вес приобретают лидеры феминистских, экологических, этнических и других движений, а в программах и практиках политических лидеров всех уровней тематика и проблематика «новых ценностей» занимает все более важное место.

В рамках постполитики происходит также усиление горизонтального взаимодействия структур гражданского общества и политических организаций низшего и среднего уровней, что создает социальный спрос на построение эффективных социальных сетей. В этих обстоятельствах принципиально важной задачей для политических лидеров выступает необходимость объединения самых разнообразных социально-политических акторов с целью углубления демократии и повышения КПД принимаемых решений и политических практик.

Как справедливо отмечает А.П. Кочетков, «переход человечества к глобально-информационному обществу приводит к тому, что ведущей тенденцией организации общества становится информационно-сетевой принцип, который предполагает, что основной социальной ячейкой является сеть, некое объединение граждан, близких по духу и интересам. Все общество будет представлять собой систему сетевых структур, а правящим классом в таком обществе становится новая социальная группа – нетократия» [8, с. 11]. Ее главным элементом становится политический лидер, превращающийся в центр и нерв сетевых отношений, которые предъявляют ему, в свою очередь, определенный набор требований. Очевидно, что самым значимым ресурсом сети является

доверие, социальный капитал. Следовательно, репутация лидера, в которой традиционно важен моральный компонент, становится его ключевым активом.

Сетевой подход делает акцент на «соуправлении», основанном на совместном участии в производстве политических решений различных социальных акторов, где лидер выступает хотя и важным, но лишь одним из политических акторов. Общий интерес, взаимозависимость, добровольное сотрудничество и даже равноправие становятся важными компонентами системы политического лидерства. В этой ситуации принципиальное значение приобретает умение лидера выстраивать эффективные коммуникации с другими политическими субъектами с целью достижения общих целей.

Все это приводит к утверждению новой стилистики политического лидерства, для которой присущи следующие параметры. Во-первых, укрепление неиерархических отношений и связей, высокая степень автономии социальных субъектов, что детерминирует неформальный стиль общения и утверждение демократического стиля лидерства. Во-вторых, ориентация на достижение консенсуса между социальными акторами (что невозможно без известной гибкости политических действий и высокой степени интенсивности интеракций с различными политическими акторами) и на формирование своеобразной культуры консенсуса и толерантности. В-третьих, открытость и публичность политических практик всех участников политического процесса, в первую очередь лидера.

Постмодерн в контексте мировой политики

Постмодерн трансформирует и политическое лидерство в системе международных отношений, усиливая в них позиции определенных властных акторов.

С одной стороны, ими могут быть представители транснациональной элиты, в первую очередь представляющие транснациональные корпорации (ТНК), поскольку интенсивно идущие процессы глобализации усиливают их политическое влияние. В последнее десятилетие неуклонно возрастает политическая роль руководителей крупных IT-кампаний, существенным образом контролирующих информационные сети и технологии. Это влияние проявляется, с одной стороны, через необходимость учитывать национальными лидерами в своих политических практиках интересы не только избирателей, но и конкретных ТНК, которые могут позитивно влиять на развитие страны, способствуя приходу инвестиций, созданию рабочих мест, трансферу технологий и т.п.

С другой стороны, эти же ТНК в качестве побочного эффекта способны создавать риски для общества и государства, нанося ущерб окружающей среде, чрезмерно эксплуатируя рабочую силу, способствуя снижению налогов или же создавая коррупционные схемы и др. Создается ситуация, которую американский политолог Bryan D. Jones называет двойным напряжением капиталистической демократии, поскольку теперь уже лидеру необходимо совместить далеко не всегда совпадающие две группы интересов – избирателей и ТНК [12, с. 5–6].

Кроме этого процессы глобализации влияют на внешнеполитическую деятельность международных игроков (лидеров государств и крупных международных организаций), которые по-разному (позитивно или критически) воспринимают и интерпретируют ценности постмодерна. Так, в настоящее время, с одной стороны, мы видим лидеров Франции, Германии и Канады, в целом Евросоюза, активно выступающих в защиту мирового либерального порядка. С другой стороны, отход от этих ценностей руководителей США, Венгрии и Польши приводит к подрыву международных институтов, например ВТО, которые отвечают за глобальное экономическое управление, что, в свою очередь, приводит к острому противоборству внутри евроатлантической цивилизации, в частности Евросоюза. В результате происходит формирование новых политических альянсов. Так, Евросоюз заключил соглашения о свободной торговле с Японией и Ка-

надой, ускорил переговоры о таких же договоренностях с Мексикой, Австралией и Новой Зеландией. Япония и Канада наряду с укреплением отношений с ЕС вместе с одиннадцатью членами соглашения активно выстраивают формат Транстихоокеанского партнерства, от которого отказались США.

Теневая сторона политического лидерства в эпоху постмодерна

В возросшей политической активности граждан существует и «зона риска». В различных формах массового политического участия граждан, тем более ориентированных на решение общественных проблем, может заключаться и нигилистическое отношение к власти, государственным институтам и политическим лидерам. Речь идет, в частности, о том, что «в политическом пространстве подъем постматериальных ценностей приводит к уменьшению уважения к власти... Уже нет согласия быть дисциплинированными отрядами, публика становится все более автономной и делает вызов элите» [6, с. 377–378]. Обусловлено это преимущественно тем, что массовая публика в силу своей заинтересованной вовлеченности в политический процесс начинает более критично воспринимать деятельность властных институтов и акторов.

Как отмечают польские политологи Т. Bodio и Р. Załęski, многочисленные социологические опросы, проводимые в Польше, фиксируют «возрастающую неприязнь людей к политике и политическим лидерам... Все чаще появляются сомнения в их компетенции, профессионализме и моральности». В связи с этим «среди поляков повсеместно распространяется убеждение, что они должны прежде всего рассчитывать на себя, а не на лидеров и политиков... Драматично уменьшается число соотечественников, готовых передавать принадлежащие им права своим представителям в структурах власти» [13, с. 389]. В результате представительская демократия, производящая определенный тип лидеров, постепенно вытесняется демократией прямого участия, вызванной «революций субъектов» (К. Obuchowski). Этот процесс рождает спрос на лидеров и политиков нового типа. Один из вариантов – усиление позиций лидеров, возглавляющих политические движения (в эпоху модерна маргинальные), делающие ставку не только на уличную активность, но и на вхождение в государственные структуры. Второй (более распространенный) вариант – это приход к власти политиков-популистов, поскольку, как утверждает польский политолог J. Staniszkis, «в наступающей эре постполитики мы будем иметь дело с маргинализацией политики, ее своеобразным выталкиванием от государства к культуре», что «вызвано кризисом государства, сведением политики к ритуалу выборов, постепенной деполитизацией общественной жизни», существенным падением уровня доверия к властвующей элите [14, с. 63]. Это может быть и аграрный популизм, выступающий против внедрения новых технологий в сельскохозяйственном секторе, и национал-популизм, настаивающий на безусловном приоритете национальных ценностей над универсальными, общецивилизационными, и политический популизм, основанный на противопоставлении простого народа и властвующей элиты.

В связи с этим трудно согласиться с рядом элитологов, утверждающих, что в настоящее время в европейских государствах происходит переход от трансформационного лидерства, ориентированного на некоторые высшие смыслы, к транзакционному лидерству, нацеленному на эквивалентный обмен выгодами, ресурсами, опциями между лидером и последователями и основанному преимущественно на соображениях расчета, коммерческого обмена, утилитарного интереса. Что начинает преобладать, «иконный лидер», обладающий, безусловно, необходимыми для лидерства профессиональными способностями и качествами, но не стремящийся ни к радикальным общественным изменениям, ни к политическому мессианизму, несмотря на достаточно широкую поддержку избирателей. Указывается и на то, что транзакционное лидерство по причине своей утилитарности хорошо вписывается в концепцию политики «без идеологии» [13, с. 390].

С подобной позицией трудно согласиться, поскольку очевидно, что базисной характеристикой общества постмодерна является широкое распространение в обществе постматериальных ценностей, которые, трансформируя систему политического лидерства, усиливают в нем позиции именно ценностных систем (моральных, идеологических, религиозных, эстетических и пр.), уменьшая значимость потребностей материального существования и безопасности. Один из примеров этого – приход к власти в Польше партии «Право и справедливость», лидеры которой в первую очередь апеллировали к традиционным ценностям избирателей и только потом к их утилитарным материальным интересам.

Теневая сторона политического лидерства в новую эпоху связана и с тем, что все большее число лидеров отдают предпочтение не рациональной и прагматичной политике, а имитации собственной публичной деятельности. J. Staniszkis использовала для обозначения этой стратегии понятие «политика пастиша», суть которой выражается в подделке, имитации, целенаправленном искажении чего-то подлинного, настоящего, правильного, что вызывает всеобщее одобрение. «Пастиш» по своей природе ориентирован на создание для массовой публики псевдособытий, развлечений, «зрелищ» и исходит из ее потребительского отношения к миру [15, s. 141].

Такая политика основана на том, что, согласно французскому философу Ж. Бодрийяру, в современной культуре наблюдается господство не ценностей, а знаков, являющихся *симулякрами* (фальшивками), которые создают посредством *симуляции* гиперреального как знакового; это символическое замещение реальности, подменяющее и подделывающее подлинные смыслы и факты. В обществе постмодерна исчезает самое существенное – различие между симуляцией и миром реального. В результате утверждения этого тренда, по убеждению белорусского философа В. Фурса, «очутившись в пространстве симуляции, власть оказывается дезорганизованной и становится симуляцией власти... Власть играет в действительность, в кризис, в переориентировку художественных, социальных, экономических и политических целей... Власть, бывшая некогда структурой, стратегией, отношением силы, целью, переходит в разряд социального заказа... теперь власть утрачивает свою мрачноватую вездесущность и паноптизм. Она оказывается таким же симулякром, как и сопротивление, ей оказываемое» [16, с. 911].

В политическом лидерстве «культура симулякрума», обеспечивающая в социуме статус и власть, нацелена на симулятивное формирование некоего «синтетического» политического образа, в реальности не существующего, но «ставшего крайней формой товарного овеществления» (Г. Дебор), поскольку главным его качеством является «товарный вес», т.е. способность быть проданным социальной массе. Отсюда один шаг до масштабного использования лидером «лингвистической маски», инструментов манипуляции общественным сознанием, а не конкуренции прагматичных политических программ. Кроме того, в рамках постмодерна социальная «масса» не приемлет смысла и «интересуется лишь знаковостью», коммуникация для нее – «бесперывное поглощение знаков, обусловленное жадой зрелища» [17, с. 772].

Важным компонентом политики пастиша в настоящее время является также широкое распространение *постправды*, т.е. масштабного обращения политических лидеров к чувствам и эмоциям избирателей, когда факты, истина, содержание имеют все меньшее значение. Как отмечала Л. Шевцова, эпоха постмодерна – «это время “постправды”, когда правды не существует, так как действительность производится нашим сознанием, и даже нет необходимости в fact-checking» [7].

Кроме этого, у лидеров наблюдается отсутствие политического визионерства, так как они скованы кратковременным горизонтом, предопределяемым для них очередными выборами. Поскольку же нет видения на перспективу, то политическое планирование не осуществляется на длительные сроки.

Существует еще одна зона риска. Известно, что «постматериальные ценности» утвердились в тех социальных системах, в которых существовал высокий уровень жизни населения и социальной безопасности в целом. В этих условиях индивиды, уверенные в своем стабильном будущем, «могут толерантно ставиться к неопределенности» (Р. Инглхарт) и «безосновательной конкретности». Но только до определенного предела и временного лага. Никакая общественная система не застрахована от экономических кризисов, социально-политических и культурных потрясений, что подтверждает, в частности, мировой экономический кризис 2008–2009 гг. или миграционный кризис в Европе последних лет.

Отметим также, что по своей природе постмодерну свойственны такие феномены с неоднозначной, а зачастую и негативной коннотацией, как делегитимизация, неопределенность, маргинализация, непостоянство, разрушение границ, неоднородность и т.п., что потенциально способно порождать тренд к социальному хаосу.

В случае же разрушения чувства безопасности индивида эпохи постмодерна возможен вариант прихода к власти при масштабной электоральной поддержке лидеров, делающих акцент уже не на ценностях постмодерна, а модерна, на удовлетворении групп потребностей, которые составляют низший уровень иерархии потребностей (потребности материального существования и безопасности), а также на обеспечении предсказуемого будущего. Это с одной стороны. А с другой – в условиях угрозы люди традиционно ищут опору в сильной авторитарной власти. В политическом лидерстве и политических элитах различных уровней может происходить утверждение серости и конъюнктурности, интеллектуальное и моральное вырождение лидеров, что потенциально создает зону серьезных социально-политических угроз для современных государств.

Заключение

Постмодерн и порожденная им постполитика характеризуется как кризисом традиционной модели лидерства, базовые элементы которой были сформированы в модерне, так и утверждением ее новых форматов в русле открывшихся социальных возможностей. При этом возрастает политическая роль той части политических лидеров, которые персонифицируют локальные ценности (этноцентризм, новые гендерные роли и статусы, определенные религиозные нормы, экологические установки и др.), а также интересы местных сообществ (постмодернистские мэры). Наблюдается уменьшение масштаба личностей деятелей, возглавляющих крупные политические структуры (государства, политические партии, международные организации), что вызвано и виртуализацией политического пространства, и широким распространением массовой культуры, и консюмеризацией социальной жизни, в рамках которой лидер выступает скорее торговцем, а не демиургом общественных процессов, и гедонизацией жизни людей, что вынуждает лидера развлекать публику (толпу) и удовлетворять ее многочисленные прихоти (потребности, запросы), и утверждением «культуры симулякрума». В системе политического лидерства происходит интенсивный процесс ее медиализации, который побуждает лидеров и членов их команд активно использовать новейшие информационные технологии, в первую очередь Интернет. Очевидно также повышение политической активности граждан, не всегда, правда, конструктивное. Политическое лидерство в эпоху постмодерна существенным образом трансформирует и международные отношения, разрушая прежние политические союзы и стимулируя создание новых. Как политическая реакция и альтернатива постмодернизму – приход к власти в ряде стран (США, Италия, Польша, Венгрия) политиков, для которых ценности постмодерна выступают проявлением беспринципности и чрезмерной эклектики, лишаящих людей устойчивых традиционных ориентаций и смыслов, что рождает социальный спрос на лидеров, апеллирующих к модерну.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лысюк А. И. Политическое лидерство в эпоху постмодерна: социокультурные основания / А. И. Лысюк, Д. А. Лысюк // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2018. – № 1. – С. 99–107.
2. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.
3. Ашин, Г. К. Элитология: история, теория и современность / Г. К. Ашин. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 177–180.
4. Keough, T. Postmodern Leadership and the Policy Lexicon: from Theory, Proxy to Practice / T. Keough, B. Tobin. – Quebec : Laval University, 2001. – P. 3–22.
5. Walton, K. Archahs and Acolytes. The New Power Elite / K. Walton. – New York : Oxford, 1998. – 254 p.
6. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
7. Шевцова, Л. Исчерпанное время постмодерна [Электронный ресурс] / Л. Шевцова. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/a/28243845.html>. – Дата доступа: 14.10.2017.
8. Кочетков, А. П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе / А. П. Кочетков // Полис. – 2011. – № 5. – С. 8–20.
9. Кёхлер, Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога / Г. Кёхлер // Полис. – 2013. – № 4. – С. 75–85.
10. Инглхарт, Р. Мадэрнізацыя і постмадэрнізацыя / Р. Инглхарт // Палітычная навука. Анталогія класічных тэкстаў. – Мінск ; Вільня : Паліт. сфера, 2012. – С. 326–389.
11. Belluatti, M. Postmodern Mayors: the 2011 Local Elections in Milan and Turin in and beyond the Media / M. Belluatti, G. Bobba // Bulletin of Italian Politics. – 2012. – Vol. 4, № 1. – P. 85–113.
12. Jones, B. D. Causation, Constraint and Political Leadership / B. D. Jones // Leadership and Politics: New Perspectives. – Lawrence : University of Kansas, 1989. – S. 3–14.
13. Bodio, T. Przywództwo i elity polityczne / T. Bodio, P. Załęski // Społeczeństwo i polityka. Podstawy nauk politycznych. – Warszawa : ASPRA-JR, 2007. – 1398 s.
14. Staniszkis, J. Władza globalizacji / J. Staniszkis. – Warszawa : Scholar, 2003. – 264 s.
15. Staniszkis, J. O władzy i bezsilności / J. Staniszkis. – Kraków : Wydaw. Literackie, 2006. – 288 s.
16. Фурс, В. В. Симулякры и симуляция / В. В. Фурс // Социология : энциклопедия. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 910–915.
17. Кацук, Н. Л. Постмодернистская социология / Н. Л. Кацук // Социология : энциклопедия. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 770–773.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.05.2018

Lysiuk A.I., Lysiuk D.A. Forms and Methods of Political Leadership in the Postmodernity Epoch

In this article, we analyse the set of forms and methods of political leadership, determined by postmodern paradigms, which formed a new format of political relations – post-politics. Herewith essentially increases political role of those political leaders, who personify new local values and interests of local communities («Postmodern mayors»). In the system of political leadership there is also an intensive process of its medialisation, which encourages leaders and members of their teams to use actively the latest information technologies. Political activity of citizens increases significantly. As a political reaction to disappointment with the values of postmodernity politicians, who deny these values and appealing to modernity are coming into power in a number of countries.